

Максим ДИДЕНКО:

Остро ощущаю, как рифмуются 1920-е с тем, что происходит в нашей стране сейчас

АРТИСТ, РЕЖИССЕР, ИЗВЕСТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТАТОР — О ТОМ, КАК В ЕГО ЖИЗНИ СОЕДИНИЛИСЬ ТАНЕЦ, ПАНТОМИМА, ПЕРФОРМАНС И ДРАМА, КЛАССИКА И АВАНГАРД, АНТОН АДАСИНСКИЙ И ГРИГОРИЙ КОЗЛОВ...

МНЕ ИНТЕРЕСНА ТЕМА ЗЕМЛИ

— Максим, в Александринке-2 проходят показы вашего московского спектакля «Конармия», поставленного с мхатовским курсом Дмитрия Брусникина. Ранее вы поставили с этим же курсом спектакль по мотивам живописи авангардистов Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой. А в Петербурге огромной популярностью пользуется тюзовский «Ленька Пантелеев. Мюзикл». Вас явно вдохновляет романтика 1920-х...

— Не в том дело, что романтика вдохновляет... Просто я остро ощущаю, как рифмуются 1920-е с тем, что происходит в нашей стране сейчас. Время действительно развивается по спирали. Думаю, обращение к той эпохе — это для меня способ понять, что происходит с моим народом, со мной, с моими детьми, и в каком-то смысле возможность предугадать будущее, попробовав изменить его к лучшему.

— Ставя Бабеля, добивались ли вы конкретных ассоциаций с нашим временем, в котором видят начало новой гражданской войны?

— Невозможно, чтобы сегодня политические обстоятельства не волновали. Это ведь касается моего народа, меня, моего соседа. У меня украинская фамилия, многие мои родственники живут на Украине. Игнорировать это просто нереально. Не могу сказать, что я стремился заложить в спектакль конкретные ассоциации, но во время репетиций на Украине как раз шли военные действия. Это меня беспокоило, удивительным образом рифмовалось с тем, что написано Бабелем; и конечно, это не могло не отразиться на том, что получилось.

В мае на Новой сцене Александринки состоится премьера моего спектакля «Земля» по мотивам кинофильма Александра Довженко 1930 года. Сегодня, когда мы пребываем в поиске русской идентичности, русской идеи, это очень интересная тема — тема земли. Значение земли, борьба за нее, убийство ради нее, необходимость защищать землю.

— К 1920-м годам в русском искусстве произошел взрыв формы. Ведь как определяют авангард? Это разрыв со всякой традицией, начинание с чистого листа. Что вам ближе: интересоваться традицией или стремиться к обнулению?

— Я воспринимаю свою жизнь как единый процесс и не могу сказать, что каждую новую работу начинаю с нуля. Пока я был молодой человек, мне казалось возможным отрезать прошлое и начать с чистого листа. Но сейчас, когда мне через пару месяцев исполнится 35 лет, я пони-

маю, что это невозможно. Целиком отказываться от своего прошлого — это даже неправильно, наверное. И, приступая к новой работе, не хочется аннулировать тот опыт, который уже был.

— Вы говорите, что жизнь для вас единый процесс. Но ведь вас бросало из стороны в сторону, вы успели поработать с такими разными коллективами...

— Так складывались обстоятельства. Но всякое стечение обстоятельств всегда подготовлено внутренним поиском, стремлением что-то изменить. Я перепробовал разные театральные техники, сотрудничал с эстетически разными театрами. Меня бросало от пантомимы к разным видам танца, но, ощутив исчерпанность жанра, я кидался во что-то новое. То, что я начал заниматься режиссурой и педагогикой, — новый бросок.

Раньше я был подпольным человеком радикальных эстетических взглядов, участвовал в разных театральных акциях (спектаклями их не назовешь), а сейчас преподаю в Школе-студии МХАТ и вроде как являюсь педагогом серьезной академической школы. Меня это не смущает. Люди, которые находятся в вечном поиске, должны преподавать в вузах. Нужно придумать систему, чтобы кровь в творческих вузах обновлялась. На мой взгляд, это не всегда происходит, к сожалению, что видно на примере нашей Театральной академии. Хотя вот я сейчас общался с Маратом Гацаловым (главный режиссер Новой сцены Александринки. — Прим. ред.) и узнал, что он вроде бы будет набирать курс в следующем году. Это хорошая новость.

Мне интересно познавать театр с разных сторон. И я думаю, это правильно. Ведь я все равно остаюсь на территории театра, а не ухожу в медики или милиционеры.

Фото из архива Максима Диденко

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ОДНОВРЕМЕННО ХУДОЖНИКОМ И БАНДИТОМ

— В вашей, если можно так сказать, авангардной биографии совершенно отдельно смотрится студенчество у Григория Козлова, мастера классического психологического театра. Как вы попали к нему на курс?

— Вообще я из Омска, из театральной семьи и на сцену выходил с 6 лет. Так что опыт работы на драматической сцене у меня довольно большой. Как начинающему артисту мне захотелось получить академическое образование в столичном вузе. Я не поехал в Москву, потому что там у меня был блат, а мне хотелось независимого шага. Из тех педагогов, что набирали в петербургскую Театральную академию, самым интересным, неформальным мне показался Григорий Михайлович.

Это человек поиска. Он собрал удивительную команду, удивительных людей к себе на курс, он создал питательную среду, которая очень способствовала творчеству. Первое время было очень любопытно, я не жалел, что сделал такой шаг. Но потом я понял, что академическое образование само по себе несовершенно устроено. Когда я занимался самообразованием, то получал знания более интенсивно. В то время наш курс уже начал играть в ТЮЗе — и начал познавать рутинную жизнь; я стал сниматься в сериалах, что обозначило какую-то нерадостную перспективу актерской судьбы, которой очень хотелось избежать.

Тут-то в Петербург и приехал Антон Адасинский, давший полуподпольный мастер-класс в Театральной академии. И я понял: это то, что мне нужно, это живое стремительное движение, абсолютно мне незнакомое, к которому хочется примкнуть. Я ушел к Адасинскому в «Derevo», где про-

был 5 лет, познакомился и стал работать с АХЕ. И жизнь стала складываться иначе.

— Просматривая ваши фото в соцсетях, я заметил, что в определенный момент вы резко изменили облик. Учась у Козлова, вы были такой «классический мальчик», лирический герой, а потом вдруг резко стали лысым и таким... экстравагантным...

— Это да. Была во мне тогда жажда «обнулиться». Обнуление вообще вещь чрезвычайно полезная. Но в конце концов понимаешь, что это иллюзия — окончательно избавиться от себя самого. От себя никогда не уйти, потом ты все равно вынужден будешь искать какую-то свою точку отсчета.

— Ваши фото транслируют особое чувство стиля, стиль отношения к жизни. Сразу приходит на ум понятие, часто применяемое к 1920 — 1930-м годам, — жизнотворчество. Для вас жизнь и творчество действительно неразделимы?

— Мне даже как-то непонятно, можно ли жить иначе...

— Ну как, бывает, человек в жизни совершенно неприметный, а выходит на сцену — расцветает...

— Посмотрите, я ведь в данный момент тоже неприметный, одет в серое... Разделять жизнь на некую «жизнь» и «творчество» невозможно, ибо это единый процесс. Один мой знакомый художник сказал: «Нельзя быть одновременно художником и бандитом». Либо это будет... какой-то бандитский художник. Вот вы работаете в газете, пишете статьи. Неужели вы закончили писать какой-то текст — и на этом закончилось творчество? Вы идете из редакции домой, но ведь процесс жизни продолжается. Она ценна вся целиком, каждая ее секундочка.